

ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Существует ряд различных определений понятия «субкультура», сформулированных с позиций представителей таких наук, как психология, социология, социальная педагогика.

Подобные определения имеют, как правило, узкоспециальный характер, поэтому ограничимся этимологией (происхождением) термина «субкультура» (от латинского *sub* – «под» + культура) и попытаемся выявить сущность и эволюцию этого явления.

Наиболее существенной характеристикой «человека субкультурного» является его стремление к автономии, своеобразное «отгорожение» от общей базовой культуры, уход в «глубину», т. е. в пресловутое «*sub*» (под).

Само явление субкультурности появилось гораздо раньше, чем термин, его обозначающий. Екатеринбургский исследователь Ю. В. Шинкаренко отмечает, что еще в начале прошлого века при монархии можно обнаружить примеры, когда личности пытались «отщипнуться» от доминирующей национальной культуры, которая базировалась на традиционных и православных устоях. Эти люди определяли свои собственные ценности, нормы, образцы поведения, формировали особые символы, в том числе специфический жаргонный язык. В частности, в 1907 г. вышел в свет роман М. Арцыбашева «Санин», литературные герои которого вели разговор о раскрепощении духа, свободе любви и на практике осуществляли свои «эмансипационные» идеи.

Мгновенно по всей стране у литературного Санина появились реальные последователи. Стали создаваться субкультурные группы с разными названиями: «Санинцы», «Лиги свободной любви», «Общества пива и воли». Возникали «новые» ритуалы: собравшись вместе, спорить о современной беллетристике, пить пиво у зажженной свечи, а затем «предаваться разврату». Подобное течение с названием «Огарки» существовало и в Екатеринбурге.

До прихода большевиков к власти культуру, которую проповедовали социал-демократы, – с символикой красного кумача, потаенными «маевками», организацией «нелегальных отрядов самообороны» – можно также рассматривать как субкультуру, т. е. подкультуру по отношению к «большой», общей культуре дореволюционной России.

В 1917 г. эта субкультура революционным путем стала трансформироваться в культуру доминантную, постепенно подмяв под себя все инакомыслящее, выстраивающее мировоззрение на иных основаниях.

Однако и в период «социализма» существовали люди, мнящие себя автономными по отношению к базовой советской культуре. Возникали новые субкультуры: «стиляги», «КСПшники (клубы любителей самодеятельности песни, которые не воспевали, как полагалось, «классовые ценности»)). Важно заметить, что субкультура того времени все

же постоянно соотносилась с культурой базовой, в ней она выбирала объекты своих атак, в нее (доминирующую социалистическую культуру) пыталась «сдать» собственную продукцию – образцы нового поведения, символику, жаргонизмы и прочее.

В настоящее время ситуация в плане соотношения доминирующей культуры и субкультур принципиально изменилась. После падения социалистической системы в новой России по-настоящему базовая культура, какой в свое время была традиционно-православная, а затем советская культура, пока не сформировалась.

Поэтому сейчас человеку субкультурному не от чего «отщипнуться», отделиться. Наоборот, задача субкультурного «строителя» – создать какое-то уплотнение в разреженной атмосфере национальной культуры. Эта разреженность обусловлена и новыми технологиями коммуникаций, когда не стало преград для объединения людей по любым интересам вне государственных и национально-культурных границ, когда прорисовывается культурно-экономическая модель «мировой деревни».

Таким образом, сегодня в той или иной мере субкультурно все подрастающее поколение, хотя, конечно, степень погружения в ту или иную субкультуру у отдельных тинэйджеров различна.

Сегодня субкультура – это уже не «подкультура», а скорее «частичная культура» (термин немецких социологов), или, по выражению одного юноши, «собкультура», т. е. собственная культура.

Выделим несколько важных моментов, объясняющих тягу молодежи к субкультурам. Юношеское мировосприятие предельно конкретно, и у подростка доминирующим выступает предметно-чувственный образ освоения действительности. Даже общезначимые идеи трудноуловимы для подрастающего поколения, если они не обличены в плоть конкретики. Субкультура в определенной степени способствует «оплотизации» подобных идей.

Например, юный неформал, получив небольшую травму, на слова сочувствия реагирует: «Рок-н-ролл учит нас терпеть боль!» Проблеме боли, страдания и отношения к страданию посвящены целые религиозно-философские системы, но они сложны и абстрактны для юного ума. А подобная формулировка предельно конкретна и ясна. Для этого подростка идея мужественного перенесения боли получает «оплотизацию» в рок-н-рольной символике на его рюкзаке.

Субкультуры несут в себе познавательную функцию, причем в весьма привлекательном для подростка ракурсе ограничения познавательного объема. В бескрайнем море информации молодой человек в зависимости от личных физиологических и психологических особенностей выбирает фрагмент действительности, глубинные характеристики которого становятся ему ближе и понятнее. В частности, увлечение готикой в момент подготовки «готического прикида», с одной стороны, дает своеобразные исторические представления, а с другой – сопряжено с

определенным творчеством. В рамках соответствующих субкультур осуществляется познание способов преодоления препятствий (трейсеры), методов нанесения изображений посредством баллончика с краской (райтеры), мудреных приемов изменения своей шевелюры (растаманы, панки).

Кроме того, субкультуры выполняют для подростка защитную функцию, «оплотизируя» его надежды на защищенность. Примыкая к тем или иным молодежным течениям, тинэйджер приобретает единомышленников, с которыми ему проще противостоять многочисленным рискам XXI в., включая элементарные «наезды гопников».

В заключение отметим, что наряду с семьей, школой, СМИ, другими социальными институтами молодежные субкультуры выступают сейчас значительным фактором социализации подрастающего поколения.